

Мои встрѣчи съ германскими войсками внутри Россіи наканунѣ войны 1914 — 1916 г. г.

До отхода нашего поѣзда изъ Воейкова, въ г. Пензу, — оставалось около четырехъ часовъ свободнаго времени.

Публики въ залахъ 2 и 3 класса — сначала было очень мало.

Съ трудомъ, около буфета третьяго класса я добился кипятку — изъ парового котла. Буфетъ былъ запертъ. Самоваровъ еще не ставили. Умывшись, напившись чаю и закусивши своими дорожными запасами, я сталъ бродить вокругъ вокзала. — Осматривалъ село Воейково и сосѣднюю рощицу — у вокзала. Изъ этой рощицы съ сѣверной стороны вокзала — со стороны городовъ Керенска, Верхняго и Нижняго Ломова — сѣзжались пассажиры, страннымъ видомъ привлекшіе мое вниманіе.

Нѣкоторые шли пѣшкомъ. Другіе ѣхали въ помѣщичьихъ коляскахъ, запряженныхъ четверкою, или тройкою лошадей. Вглядываясь въ лица этихъ, болѣе богатыхъ пассажировъ, я замѣтилъ, что — это нерусскаго типа, съ интеллигентными чертами лица, повидимому, знатные иностранцы, съ огромною свитою.

Повидимому, умышленно, пассажиры иностраннаго вида подѣзжали къ станціи, не сразу, а группами, по три, по пяти повозокъ въ каждой. Прислуга, сидѣвшая на кучерскихъ козлахъ — была русская. Когда я, потомъ, бродилъ по платформѣ вокзала, то увидѣлъ, что вещи этихъ пріѣзжихъ вносили многіе пассажиры, давно ожидавшіе этого же поѣзда въ комнатѣ для пассажировъ третьяго класса.

Видно было ихъ общее знакомство — всей сотни, одновременно ѣдущихъ пассажировъ. Многіе были выбриты, какъ актеры.

— Не труппа ли артистовъ ѣдетъ въ Пензу? спросилъ я служащаго въ буфетѣ.

— Это люди изъ имѣнія нѣмецкаго князя! — ѣдутъ въ Пензу — отвѣчали мнѣ на разспросы.

— Зачѣмъ? столько сразу?

— Тамъ, въ Пензѣ, долго стоитъ нѣмецкій, берлинскій, секретный поѣздъ съ нѣмецкими войсками! Встрѣчать ѣдутъ!

— Съ войсками? нѣмецкими—внутри Россіи!?

— Изъ нѣмецкой крѣпости, изъ Китая ежегодно возятъ по двадцати тысячъ смѣнившихся солдатъ, офицеровъ, оружія!

— Ожидавшій того же поѣзда, пензенскій, пожилой помѣщикъ мнѣ объяснилъ остальное.

Съ 1898 г., изъ Берлина въ Циндао,—столицу германской колоніи Кіао-Чао на Тихомъ океанѣ, ежегодно ходятъ германскіе воинскіе, секретные поѣзда. Туда изъ Берлина везутъ, будто-бы смѣну солдатъ, ружей, пушекъ, а оттуда провозятъ, смѣняющіеся роты и полки—въ Германію, со всѣхъ колоній Тихаго океана.

— Неужели не боятся внезапнаго нападенія этихъ двадцати тысячъ нѣмцевъ? Безконтрольнаго грозова динамита, прокламацій, боевыхъ, революціонныхъ дружинъ? въ Россію!?

— Должно быть, не боятся! Въ Петербургѣ у нихъ много тайныхъ союзниковъ! — Оглядѣвшись кругомъ, я замѣтилъ, что съ нескрываемымъ интересомъ, насъ подслушиваетъ группа молодыхъ евреевъ, сидѣвшая на другомъ концѣ общаго обѣденнаго стола. Мы замолкли. Евреи переглянулись, принялись за свой чай.

Первоклассные пассажиры, похожіе на иностранцевъ, усѣлись особою группою, за угловымъ маленькимъ столомъ. Молча осматривали всѣхъ бывшихъ въ вокзалѣ. Изрѣдка перекидывались едва слышными фразами, повидимому на нѣмецкомъ языкѣ.

Одинъ изъ нихъ, средняго роста, широкоплечій, грудастый брюнетъ привлекъ мое вниманіе красивымъ лицомъ, военною выправкою, повелительнымъ выраженіемъ лица. Поверхъ сюртука иностранной, изыщной работы, было темно-синее пальто. На ногахъ желтоватые ботфорты-гетры. Сѣроватые глаза глядѣли смѣло, гордо, съ сознаниемъ своего превосходства надъ всѣми окружающими.

Свѣжія румяныя губы, свѣжій румянецъ на щекахъ, выхоленное тѣло, чистые ногти,—словомъ вся внѣшность свидѣтельствовала о хорошей породѣ и жизненной обстановкѣ этого господина.

Почти съ горькой улыбкой онъ отвѣчалъ на шутки и улыбки маленькаго, худенькаго иностранца лѣтъ тридцати, съ рубцомъ на лѣвой щекѣ.

Этотъ блондинъ, повидимому, занималъ въ кружкѣ болѣе высокое положеніе.

Ему спутники подавали стулья, предлагали сигару. Зажигали спички для раскуриванія сигары.

Этотъ остроносый, съ лукавою, лисьею мордочкой, блондинъ казался честнѣе, добродушнѣе всѣхъ его спутниковъ.

Изрѣдка бросалъ на меня и двухъ моихъ подчиненныхъ—чиновниковъ, ласковые взоры—человѣка желавшаго поболтать и со мною.

Черты его миловиднаго, женственнаго лица мнѣ напоминали одну германскую принцессу, портретъ которой, по случаю ея свадьбы, былъ и на страницахъ моихъ дорожныхъ газетъ и еженедѣльныхъ журналовъ.

Именно это сходство привлекало мои взоры къ этому иностранцу.

Когда я подходилъ къ другимъ группамъ пассажировъ, только-что прибывшихъ на вокзалъ, я снова замѣтилъ нѣчто общее у этой сотни русскихъ, нѣмцевъ и евреевъ.

Среди русскихъ услышалъ часто повторяемое слово „Мелекесь“; такъ называется, центръ мѣстной хлѣбной торговли и рынковъ съ элеваторами, близъ р. р. Волги, Утки и города Симбирска.

Поэтому я подумалъ, что это ѣдутъ „хлѣбныя мартышки“.

Такъ зовутъ бѣдняковъ, продававшихся жидамъ и нѣмцамъ, для скупки хлѣба, и для всякихъ сводническихъ и темныхъ дѣлъ. Очевидно, нѣмцы заготовляли хлѣбъ для 1914—1915 г. г.

Лицо одной изъ этихъ „мартышекъ“, съ волосами желторыжаго цвѣта, съ мертвеннымъ, сифилитическимъ цвѣтомъ кожи—напоминало мнѣ видѣннаго въ судѣ, извѣстнаго каторжника и убійцу.

И онъ, взглянувъ на меня, вѣроятно вспомнилъ про эту же встрѣчу, злобно взглянулъ на меня. Потомъ избѣгалъ моего пристальнаго взора. Быстро ушелъ куда-то.

Въ числѣ его слушателей: евреевъ и русскихъ—тоже сидѣли нѣсколько человѣкъ, имѣвшихъ такой же отпечатокъ тюрьмы, преступленій и злодѣйскихъ замысловъ. Позднѣе читая про звѣрства нѣмцевъ, я думалъ: эти и такіе, питающіеся въ Россіи, нѣмцы,—въ войну 1914—1915 г., плѣннымъ русскимъ выкалывали глаза, вырѣзывали языки,—чтобы опять жить въ Россіи—имѣть поменьше русскихъ свидѣтелей и уличающихъ доказательствъ нѣмецкой жестокости и безчестности.

— Не знаете ли, что это за партія—вотъ тамъ, только что приѣхавшая, изъ лѣсу, на вокзалъ?—сказалъ я буфетчику.

— Это зъ Веденяпи, — Нижнеломовскаго уѣзда, рабочіе и господа изъ нѣмецкаго имѣнія...

Тогда я вспомнилъ, что при проѣздѣ черезъ эту Веденяпъ—изъ Нижняго-Ломова мнѣ не дали лошадей, для смѣны и перепряжки моихъ, изнуренныхъ крестьянскихъ клячь.

Вспомнилъ краснаго цвѣта, квадратную, нелѣпаго стила, высокую башню, въ другомъ селѣ, на пути изъ г. Керенска.

— Что это за башня? Зачѣмъ она въ селѣ? спрашивалъ я у жителей.

— Нѣмецъ-баронъ, — строилъ для макаронной фабрики. Разорился, такъ живетъ безъ дѣла въ этой башнѣ.

Теперь, въ 1915 г., я думалъ, что это была одна изъ тѣхъ секретныхъ радіотелеграфныхъ станцій, одну изъ которыхъ въ газетахъ описывали близъ Кіева. Въ фабричныхъ трубахъ шпіоны устраивали радіотелеграфы и сигнализацию

Учредитель и той станціи благополучно оправдался научными цѣлями,—какъ всѣ, прибалтійскіе, строители фундаментовъ подъ осадныя германскія пушки, и для спуска германскихъ летчиковъ.

Въ 1915 г. во многихъ газетахъ я прочелъ, что для покупки у фельдмаршала Гинденбурга, и его жены—Нижнеломовскаго села Веденяпи (около 1.300 десятинъ земли)—тайный совѣтникъ П. получилъ 130 тыс. руб. даровой ссуды. Внесъ въ казну 30 тыс. за переходъ имѣнія въ его руки. Въ январѣ 1915 г. у пензенскаго нотаріуса—фамилія Гинденбургъ была замѣнена другою, менѣе извѣстною, его же фамиліей—графа Цу-Мюнстеръ и его жены, урожденной Бенкендорфъ. Въ Алтаѣ — и на Уралѣ — нѣмцы владѣли такими же шпіонскими очагами.

Такіе факты давали прочный фундаментъ и для моихъ дальнѣйшихъ подозрѣній и выводовъ.

Когда пришелъ поѣздъ изъ Москвы я поспѣшилъ, съ вещами, въ купе перваго класса.

Но тамъ было тѣсно! Сидѣли иностранцы—бывшіе со мною на вокзалѣ. Я перешелъ въ сосѣдній вагонъ, второго класса.

Увидѣлъ свободное мѣсто около казачьяго полковника и помѣстился около него. Этотъ вагонъ, второго класса, оказался наполовину пустымъ.

Когда я былъ въ Пензѣ, по дѣламъ службы, знакомые офицеры сказали мнѣ:—мы въ 10 час. вечера на вокзалѣ,

будемъ съ музыкой, ужиномъ и шампанскимъ встрѣчать германскій гарнизонъ, ѣдущій изъ крѣпости Циндау, Кіа-Чао и другихъ тихоокеанскихъ гарнизоновъ.

— А на чей счетъ ужинъ? Шампанское?

— На счетъ хозяйственныхъ суммъ полковъ! Форма одежды съ орденами! праздничная!

Въ назначенный для встрѣчи день и часъ, на вокзалъ собралось около 70 офицеровъ, чиновниковъ и множество простонародья.

Музыка готовилась заиграть германскій государственный гимнъ.

Безшумно, съ потушенными въ вагонахъ огнями, подошелъ поѣздъ изъ Циндао, съ германскими войсками.

Русскому офицеру, посланному сказать, что мы просимъ нѣмцевъ въ вокзалъ, — для угощенія, — какой-то германскій нижній чинъ смущенно объявилъ:

— Благодарятъ! Не могутъ воспользоваться любезнымъ приглашеніемъ, — потому что уставъ запрещаетъ выходить изъ вагоновъ послѣ 9 часовъ вечера!

Мы, русскіе, отлично знали, что германскіе офицеры и унтеръ-офицеры въ своихъ клубахъ веселятся, всю ночь, до утра.

Поняли, что этотъ предлогъ для отказа маскируетъ нѣчто враждебное намъ или что-либо мошенническое, преступное.

Всѣ мы, ожидавшіе встрѣчи, поужинавши, одни безъ германцевъ—толковали о недалъновидности тѣхъ лицъ, которыя пригласили насъ на встрѣчу, и тѣхъ кто допускалъ переноску таинственныхъ германскихъ грузовъ изъ германскихъ вагоновъ, неосмотрѣнныхъ таможенными чинами, — допускалъ и проѣздъ, въ этихъ вагонахъ, неизвѣстно какихъ людей—подъ видомъ войска, австро-германскаго союза, черезъ Россію, — союзницу антигерманской Франціи!

— „Высшія соображенія такъ, того, требуютъ!“ Объясняли намъ, съ таинственнымъ видомъ, мѣстные любители газетной политики.

Сообщилъ **Ф. Суринъ.**